

Что читают знающие люди страны

М. А. БУЖУРИН

Мастер-стахановец завода им. Менжинского

Мы беседуем с мастером-стахановцем завода им. Менжинского, комсомольцем Михаилом Алексеевичем Бужуриным. В день пятидесятилетия комсомола т. Бужурин получил высшую правительственную награду — орден Ленина.

Через несколько дней, — говорит Михаил Алексеевич, — я начал заниматься в Военной академии им. Сталина. На завод я поступил, окончив семилетку. Готовясь в Академию, пришлось за один год пройти полный курс 8, 9 и 10 классов средней школы. Много занимался и по литературе русской и иностранной. Прочел «Гамлета» — Шекспира, «Чайльд Гарольда» — Байрона, «Фастага» — Гете, «Германию», «Атла Тропа» и стихи — Гейне, «Мещанина во дворянстве», «Тартюфа», «Жеманница» — Мольера и ряд других произведений иностранных классиков.

Из русских писателей я читал Державина, Грибоедова, Пушкина, Рылова, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Гончарова, Льва Толстого, А. Островского, Чернышевского, Добролюбова, Чехова. Впервые в этом году я прочел замечательное письмо Владимира Гоголя. Многие я прочитал

Е. А. КОЧЕТКОВ

мастер-литейщик завода «Серп и молот»

Еще в 1935 г. т. Е. А. Кочетков, один из инициаторов заводского движения на заводе «Серп и молот», был награжден орденом Ленина. В момент разветвления стахановского движения т. Кочетков один из первых перешел на новые методы работы.

— Я читал, — говорит Ефим Андреевич, — главным образом наших современных писателей. За последнее время прочел «Как закалялась сталь» И. Островского, «Чапаева» и «Матгеев» Фурманова, «Тихий Дон» Шолохова, «Железный поток» Серафимовича и т. д. Из иностранных писателей я прочел «На западном фронте без перемен» Ремарка.

Больше всего мне нравятся произведения из истории гражданской войны. Они показывают героев, вышедших из рабочей и крестьянской среды и ставших командирами армии.

И. А. ЕГОРЧЕНКО

мастер-орденоносец колбасного цеха мяскокомбината им. Микояна

Иван Андреевич Егорченко — мастер колбасного цеха мяскокомбината им. Микояна постановлен ЦИК СССР 2 августа награжден за стахановскую работу орденом Ленина.

Иван Андреевич рассказывает: — Из всех книг, которые я прочел за последнее время, мне больше всего понравились «Как закалялась сталь» И. Островского. Автор показал нам свой путь, рассказал о том, как был багряным, как рос и боролся за лучшую жизнь. Читая эту замечательную книгу, я невольно вспоминал свое детство, очень сходное с детством Николая Островского.

Е. В. ФАДЕЕВА

Стахановка-орденоноска краснознаменной Трехгорной мануфактуры

— У себя, — заявила нам стахановка-орденоноска Краснознаменной Трехгорной мануфактуры, участница совещания стахановцев в Кремле Екатерина Васильевна Фадеева, — приступаю к учебе во Всесоюзной промышленной академии легкой индустрии им. Мухоморова.

Готовясь в академию по специальным предметам, я под руководством преподавательницы Промакадемии т. Новиковой занимаюсь и по истории русской литературы.

Прочла «Дубровского» Пушкина, «Детство» Горького, «Братский десант» Фурманова, «Арину» — мать солдатов Некрасова. Я писала изложение всех этих произведений.

Яков

А. АДАЛИС

РАССКАЗ

Через трудный Сурамский перевал, из долины Курм в долину Риона двигались электровозы. В процессе движения электровозы вырабатывают дополнительную энергию на спуске он отдает ее во внешний мир, обращается в двигатель для окрестных электростанций. В горных ущельях, в мрачной синеве сурамских ущелий сияют созвездия поселков.

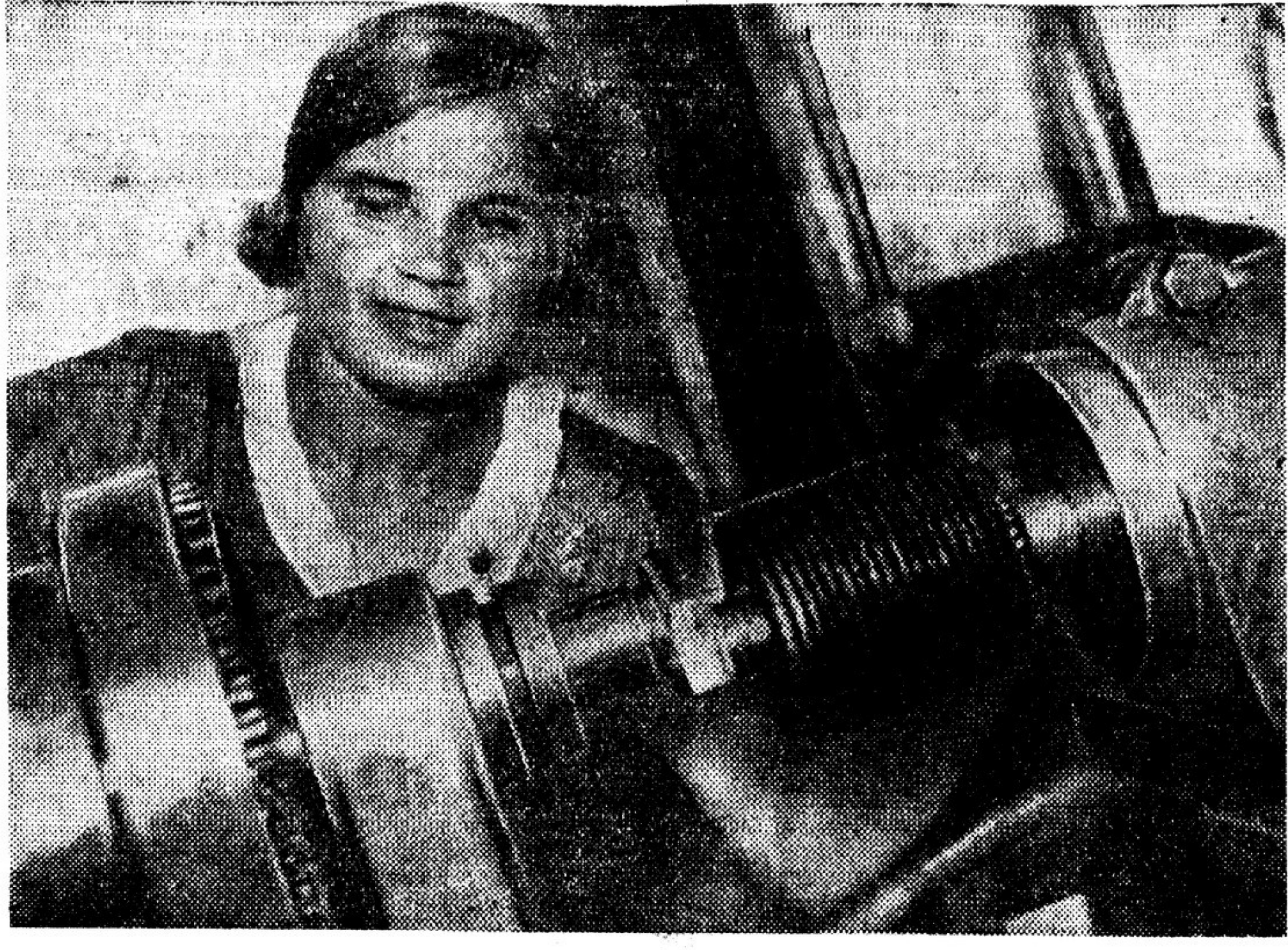
Одна из деталей электровоза — силовой мотор. В обработке корпуса электровозного мотора участвует резец английского строгального станка Бутлера. Таких станков во всем мире в два раза больше — в Советском Союзе.

В мае 1935 года на Советском Западном крае приехал в Москву двадцатипятилетний пареньчик. Он отслужил свой срок.

В Москве уже действовал метр; в богатых подвалах, как в сокровищницах, стояли высокие чаши, полные молочного света. Оскаляторы носили молодого человека бережно и торжественно, сами подставляли ему под ноги, — все это смутно напоминало какие-то полуважные детские сны. Москва обурывалась на него, как море, шумом и блеском. Он был необразован и одинок. От ежедневных потрясений сердца болела голова. Красноармеец старался не терять самообладания.

В хороший майский день он пошел ухаживать за работой. Яков был сапожником: до службы в Красной армии работал в почтовой артиле в Донбассе, в Енакиеве. Там он считался ударником и его уважали, но теперь ему больше не хотелось заниматься обувью. В Красной армии он замечательно успешно выхаживал коней и метко стрелял. Ему нравились дисциплинировать себя. Процесс овладения собой был приятнее всего в жизни. После каждого занятия по политграмоте Яков все явственнее ощущал, как он такой: «я — комсомолец на охране границ». Красноармеец на одном из плакатов красноречиво писал: «Яков — это не человек, — так Якову казалось, — это конек, никому себя очень больших, широким, крепким человеком, хотя роту он среднего, а силы лишь чуть-чуть выше средней.

«Завод имени Сталина», «Ленинский комбинат» — вот какие слова составляли собой его представления об огромности мира. Они со-

Стахановка московского завода «Дисковый фрез» тов. Сладкова, одна из инициаторов стахановского движения на заводе. Тов. Сладкова обслуживает одновременно 6 станков, готовится перейти на одновременное обслуживание 10 станков. На снимке: тов. Сладкова у своего станка.

М. А. ТЕЙЛЕ

Инженер-орденоносец НКПС

Тридцать четыре года проработал Михаил Андреевич Тейле в паровозном деле на железной дороге. Он всегда честно выполнял свой долг, и учась, в этом году он награжден орденом Трудового Красного знамени и переведен на работу в наркомат.

Мы беседуем с т. Тейле о советской литературе.

— В моей жизни, — говорит Михаил Андреевич, — художественная литература сыграла очень большую роль. Я родился в семье железнодорожного машиниста. С детства претерпевал невзгоды. Единственной радостью были книги. Вначале моими любимыми авторами были Майн-Рид, Жюль Верн, Купер. Затем я увлекся классиками. Несколько раз перечитывал Пушкина, Лермонтова, много читал Гоголя, Тургенева, Толстого. Значительно позже познакомился с произведениями А. М. Горького, и вот до сих пор Горький остается моим наиболее любимым писателем. Я прочел все, что он написал, начиная с мелких рассказов и писем «На дне» и кончая «Жизнью Клима Самгина». Горький открыл передо мной, тогда еще малоопытным юношей, всю правду жизни и привил любовь ко всем угнетенным и эксплуатируемым людям. Это чувство живет во мне до сих пор. Вот почему с самого начала революции я усердно стою на посту, честно выполняю долг советского гражданина.

Прекрасным романом и рассказам Горького, которые с самого начала воспринимали во мне преданность делу революции, я обязан тем, что ныне правительство отменило и наградило меня.

Колоссальное впечатление произвела на меня книга Николая Островского «Как закалялась сталь». Я прочитал ее два раза. С большим удовольствием читал я «Тихий Дон» Шолохова, «Сусим» Новикова-Прибоя.

В заключение хочется сказать о состоянии библиотек при наших предприятиях, управлениях и клубах железнодорожников. Художественных книг в них явно недостаточно. Несколько месяцев я не мог получить книгу Островского «Как закалялась сталь». Прочтеть ее удалось только в доме эдаких.

В качестве любителя я вот уже 20 лет выступаю на сцене. Не так давно в клубе мы играли пьесу из жизни железнодорожников «Звезда на час». Пьеса средняя, но и эту пьесу наши артисты приняли очень хорошо. Этот случай показывает, как глубоко интересуются железнодорожники пьесами о нашем транспорте. Между тем, советские писатели почему-то не уделяют внимания этой теме.

Нам нужны романы, повести, рассказы и пьесы о кривососцах — лучших людях транспорта, о тех колоссальных победах, которые одерживаем мы под руководством нашего любимого наркома Лазаря Моисеевича Кагановича.

С. В. ЧЕСНОВ

Обер-мастер мартеновского цеха завода «Серп и молот»

За отличную стахановскую работу обер-мастер мартеновского цеха завода «Серп и молот» Семен Васильевич Чеснов получил от правительства легкую машину в индивидуальное пользование. Чеснов, как один из инициаторов стахановского движения на заводе, был в числе делегатов совещания стахановцев в Кремле. Сейчас он усиленно занимается самообразованием.

— Какую свободную минуточку, — говорит Семен Васильевич, — я стараюсь использовать за книгой. Читал много. Прочел Горького, Достоевского, Лермонтова, Пушкина, Тургенева, Льва Толстого. Из современных произведений читал «Тихий Дон» и «Поднятую пелену» Шолохова, «Врусь» Панферова, «Чапаева» и «Матгеев» Фурманова и т. д. Хочу прочесть «Историю гражданской войны» и книгу Анри Барбуса «Сталин».

Наша писатели до сих пор мало пишут о жизни лучших людей страны — о стахановцах, о руководителях рабочего хозяйства и армии, о героях Советского Союза.

На днях мы хоронили Сергея Сергеевича Кашенева. Этот выдающийся человек нашего времени, бывший полковник царской армии, отдал все свои силы и знания строительству нового лучшего мира. А между тем, молоденький читал «Тихий Дон» и «Поднятую пелену» Шолохова, «Врусь» Панферова, «Чапаева» и «Матгеев» Фурманова и т. д. Хочу прочесть «Историю гражданской войны» и книгу Анри Барбуса «Сталин».

Наша писатели до сих пор мало пишут о жизни лучших людей страны — о стахановцах, о руководителях рабочего хозяйства и армии, о героях Советского Союза.

На днях мы хоронили Сергея Сергеевича Кашенева. Этот выдающийся человек нашего времени, бывший полковник царской армии, отдал все свои силы и знания строительству нового лучшего мира. А между тем, молоденький читал «Тихий Дон» и «Поднятую пелену» Шолохова, «Врусь» Панферова, «Чапаева» и «Матгеев» Фурманова и т. д. Хочу прочесть «Историю гражданской войны» и книгу Анри Барбуса «Сталин».

А. И. ЖАРОВ

Директор-орденоносец племхоза «Боровково»

Анисим Васильевич Жаров — директор племхоза «Боровково» — награжден в 1936 году орденом «Знак Почета». Долгая и упорная борьба с классовыми врагами, которые нередко мешали ему, умелое руководство работниками племхоза принесли ему заслуженную награду.

— Большую помощь в работе, — говорит нам т. Жаров, — оказывала мне наша советская художественная литература. Читая такие произведения, как «Поднятая пелена» Шолохова и «Врусь» Панферова, я лучше знакомился с формами и приемами классового боя в деревне, учился лучше распознавать классового врага. Прочтя эти книги, я невольно стал более внимательно присматриваться к людям и обобщал мелкие, на первый взгляд, незначительные факты. Это помогло мне в 1933—34 гг. выявить на ферме № 1 кулацких последышей.

Выявлять врага, который расширял социалистическую собственность, помогал мне воспитанный мною актив. В работе с этим активом не раз приходилось пользоваться художественной литературой.

Так, при изучении революции 1905 года я им прочитав пьесы Лавры «Матери» Горького; пьеса речей Сталина об империалистической войне, и повести Анри Барбуса «В огне» о гражданской войне читал из «Сыхого Дона» Шолохова, «Железного потока» Серафимовича, «Красного де-

ТВОРЦЫ

Ф. ПАНФЕРОВ

В Италии законом Муссолини запрещено введение в сельское хозяйство машин — ни жаток, ни тракторов, ни, тем более, комбайнов. Везудувод, примитивный плуг, примитивное орудие производства. Только в одном месте, на орошаемой долине, мы увидели тракторы. Тракторы эти работают почти на тех же валазах, что и тракторы наших МТС, но с другой целью: прерывать их в постоянных работах Муссолини. И люди бьются, бьются за кусок хлеба, за угол, за то, чтоб не подохнуть с голоду.

В обширной долине, у подножия вулканической горы Везувий разброелись избушки крестьян. Совсем недавно Везувий съел около тридцати крестьянских дворов. И теперь он то и дело выбрасывает из своей горящей пасти огромные камни, лагу. Являя, как титанический удав, ползет с вершины горы в долину и пугает, тревожит крестьян. И все-таки они живут. Одних Везувий проглотил, прихотил другие.

— Люди трудятся, люди голодают, а плоды трудов их пользуются не кто другой. И труд превращается в неволю. Такая мысль возникла у нас, когда мы изучали сельское хозяйство Италии, и мы мысленно перевелись в нашу страну.

Я несколько раз побывал на родине Марии Демченко. Часто заходил на завод и в колхозы. Много читал Панферова, Высокая, сильная девушка, она всякий раз, стесняясь, как молча была о новорожденном, рассказывала о своей плантации свеклы. В прошлом году она дала пайсов центнеров с гектара. Ей это кажется мало. В этом году она непременно хочет дать тысячу центнеров и говорит об этом шопотом. Но еще с большим волнением показывала она мне учебники — грамматику, арифметику и о дробях в голосе говорила: — Даша до дробей... и знаю, где надо запяточку ставить.

А вот Слудский — председатель колхоза. Несколько лет тому назад, с группой колхозников, он на пощади в девятност гектар «закалял» фруктовый сад. Враги говорили: «Сад тут сразу не вырастет, потому как под землей пуста!» Слудский сумасшедший человек, нашим народом сад залив бурно. Ибоги скопились под тяжестью плодов.

Почему Мария Гнатюк пошла в сад? Почему Слудский решил расчистить сад на девятност гектаров? Что руководит этими людьми? Люди освободились от гнета, от эксплуатации. Люди прекрасно понимают, что работают для себя самих и для своего государства и они творят, потягивают себе сами природу. Творят колхозники. Творят рабочие. Творят крестьяне и колхозники. Творят, строя социализм, утверждая себя в обществе, творят, радостно следуя призыву Сталина.

Я заканчиваю четвертую книгу «Врусь». В этой книге Никита Гурьянов отрывается от старого о буре, о кровью. Но вот он перевалил, попал в явное производственное отношение и начинает творить великие дела на полях. Через эти дела он ощущает другой мир, начинает относиться по-иному к вещам, к людям и познает всю мудрость Сталина.

Когда Алексей Стаханов шел на производство, он мечтал захватить деньги. Но наша действительность дала ему другую мечту, и Алексей Стаханов стал знаменем миллионов.

Никита Гурьянов идет в колхоз тоже со своей мечтой — «подхватить» деньги, завести пчелок, потом улететь куда-нибудь в лес — в глушь, где жить припеваешь. Но среда толкает его в другую сторону и он став мечтает об ином.

О стахановцах писать очень трудно. Критика должна помочь нам в этом.

Он притихал. Он работал, как на сцене, и думал: «лицом к лицу». В эти минуты Яков чувствовал себя другим человеком, холодным, нетропическим, слегка высокомерным и будто бы обезличенным полномочным. Но гости исчезали. К Якову медленно и приятно возвращалось душевное тепло, тепло молодости. Тогда он начинал мечтать, что поправить его придут иностранные рабочие, он обнимается с ними и помыслит...

Через несколько дней за Яковом Бельих пришли в цех, чтобы увезти его на машине в Колоний ват.

В зале уже было много народу. Прямо напротив себя он увидел по-разному знакомое лицо, близкое, домашнее, как лицо отца или брата. Бельих естественно прошел вперед, поближе к этому человеку, похому на свои портреты. На Якова глянула в узор два круглых, хрибрых блестящих глаза — глаза Серго Орджоникидзе. Строгая вызвала, чтобы он рассказал о своем опыте. Начав рассказывать, Яков решительно взглянул в глубины этих глаз, ярких и льбящих, как у стенового бога, Серго спросил:

— А какие были трудности?

Яков понял, что здесь надо говорить чистую правду, на самой глубокой душе; он ответил, что главным в нем, в нем, в нем, — это думать. Все дело в мысли, а не только в руках. Думать трудно, потому что мысли сбивает шум обещаниями, дающая мысль выдержала и выдержала.

Глаза Серго блеснули. Серго сказал: «Какое молот?»

На новом совещании стахановцев Бельих увидел Сталина. Якова охватила огромная нежность. Он не мог нарадоваться на улыбку, на движения живого Сталина, на быстрые повороты головы, на брови, на плечи, на руки, лажавшие на столе. Радость не давала Якову следить за совещанием; оно осталось в памяти смутным, пришлось запово перенести о нем в газету.

На следующий день Яков узнал, что его наградили орденом в числе ста двадцати, о которых говорил Сталин. Тогда же ему прислали в ордер за комнату в Анарьском переулке, в красном доме.

Когда Яков шел в Анарьский переулок, дети, игравшие в первые снежки, заглянули ему здоровый ком снега за воротник. Яков тоже шел ком и вывалился в ягу; он долго не думал ни о чем, кроме того, как бы уловить работ своей ловкостью. Он стрепил им рожки, и они визжали. Внезапно он вспомнил:

— Мне только двадцать пять лет, двадцать пять лет. Что будет? Его засыпали снегом, а он стоял, удивленный, и улыбался.

стался расквашенным: он жалдал повторить их по-новому, быстрее и чище. Иногда казалось, что он гримасничает за спиной товарища, но сам Яков этого не замечал. Выбегая, когда матери карман с ложечки детей, — незлобно сами открывают рот. Однужды того комсомольца перевели на другую машину. Якову с опаской разрешили попробовать себя на бутлере. Со дня его поступления на завод истекло семьдесят дней. Он не выполнял нормы. Вместо двенадцати часов ему полагалось четырнадцать.

Впервые, став к станку, Яков испытывал странное ощущение, словно нечто подобное он когда-то уже пережил, но тут же он с радостью признал: никакой странности, это — знакомое чувство границы. Он будто повторил себя, когда впервые стал с винтовкой на враг Советской земли. То было особое ощущение, что ты попал на свое законное место и померился в своей кошке.

«The Butler machine».

Яков киноровая надпись будто светится на черных плоскостях торжественно крепкого станка. Кое-где она слегка изменена.

Это не просто фабричная марка. Это — горное подчерпывание верховой культуры. Англия, Галлекар, Манчестерские. Он не понимал надписи. Для него она означала только одно: «Яков — это человек, который должен сотрудничать с ней, не теряя себя; заставить ее служить хорошему делу».

Яков знал уже один станок — лудиметный. Бутлер был неизмеримо сложнее: множество колес и рычагов; пиль клинок на круглой высечке; штурвал, похожий на ручную бомбу; автоматическое управление; собственная электростанция... Яков умел ориентироваться в лесу, — но лес глухой человек. Еще проще было владеть конем — с конем его связывала живая близость тела к телу, доброта человека к животному, взаимные соответственные движения. Бутлер же надо учиваться со стороны. Бутлер был опасен и чудно, по ту сторону знакомых чувств... Принцип действия его механизма был непонятен. Яков считал, что осознать поведение станка, не зная законов механики. То была первная борьба.

Уходя домой, он думал с обидой: «Станок больше умный». На досуге он снова воображал себя работающим на бутлере. Упрямо повторял в уме движения реза, вызвал в своем теле их ритм. По вечерам он слышал эти ощущения во сне и просыпался утомленным.

По утрам он речал: «Глазнее — привиденья». Не умея как следует читать систему действия бутлера, он старался запоминать ее во всей последовательности, вникать в нее. Он спросил у инженера, как нарисовать работу бутлера. Инженер объяснил. Яков остроял рисунок и по долгу глядел на него, словно сочувствуя ему. На четвертый день, нажимая пусковую кнопку, он увидал, как кула влук пропало чувство беспокойства? Ремень сжимал стружку как обычно, но снятие стружки вдруг стало достигать Якову липное удовольствие. Станок ожил для Якова, сделался продолжением его руки.

Так впервые Яков уловил в лудиметную работу. «Ты как?» — спросил на следующий день комсомолец. Яков тихо и коротко ответил: «Я — осли». У него сорвалось с губ: «Служу трудовому народу». Но он тут же покресил и смугил от значительности этих слов: они показались ему неизвестными. Он пераборочно оправдался: «Я же шучу, хотя, конечно, не шучу».

Казаюсь, наступило время отходнуть от напряжения. Яков начал читать по вечерам «Поднятую пелену». Он постигнул в комсомольскую школу. Но скоро чувство удобства и покоя опять покинуло его, вместо того чтобы укрепиться. Работа опять оставалась его неудовлетворенным. Теперь Якова раздражало частое притупление реза. Едва реза притуплялся, Яков спешил его сменить. Ходяние за резами отнимало дорогое время. Товарищи ухаживали за резами, глядя на него, полагая, что реза часта, — «капризничает». Он не слушался. За несколько дней Яков накопил себе такой запас резов. Вдруг он усвоил тем работы реза: как убирать собственный шаг, Ускорение превращало номер станка, запящированные конструкторы. Вместо двенадцати часов на обработку корпуса мотора пошло меньше одиннадцати.

После смены, у заводских ворот, Якова подтакала догадка: нельзя ли сделать станком... Весь выходной день он проломился.

— Что я боюсь? Будет хорошо. У меня будет оставаться только время. Раз бутлер принимает только мотор для электровозов, стране их надо немного. Я буду гулять, спать, читать... Я буду получать больше денег!

— Но, можно покочить станок! — Что тогда будет? — Он же говорил, и не воображал. — И уж переключился к тому времени, что брат в обещании. В бумажке было грязно и шумно. Шесть месяцев думать. Яков умел думать на ходу. Его застил славный дождь, брызг ливень. Яков долго стоял в подвале.

— Нет, не в меня! — станка остается много времени! Найдется, чем загрузить станок... Загружат тем же. — Он уже думал не о себе... После выходного Яков пришел на завод очень спокойным. Он старался работать как можно осторожно. Жизнь его казалась со стороны такими деликатными, что кто-то спрашивал два дня подряд одно и то же, одно и то же, — как птица; и что же ты коверкаешь? Но Яков выдал еще целых полчаса часа. Он рванулся было бежать к комсоргу. Не побоялся испугаться за незаконный запас резов. Якова охватила тоска; ему захотелось, чтобы рядом работали еще много бутлеров, тогда можно было бы разделить участь с другими строителями и отпраздновать. Но бутлер был один. Другой стоял рядом незаметно. Яков вылезся за новую задачу: как усовершенствовать реза, изменить угол обточки?

За стенами цеха шумела ранняя осень 1935 года. Сильные мгистые туманы Ленинграда шагали Сметанина. В подвезном Донбассе вырвался в ураль обгонный молоток Стаханова. Сильнее сетку дождя, забив полные портики пальто, шел с автозавода Бухарин. Волга глухо шумела под ветром, и над Горьким колебалось розовое зарево.

Старый Проппин, сточник бумкомбината, писал письма сыну, сточнику бумажной фабрики. Он уже перерыл нормы и уже полагал, как огромным резервом машины... На синах полковника Украины Мария Демченко оклидала горячим взглядом свои сахарные бурчаки.

В Баку вторично целили деревья. По Сураханам шел, поминавший, толстый, мокрый от жары, хитрый бутлеришка Панферов... Комсомолец Кривонос, вытирая руки палкой, строгивая с паровоза.

Миллионы детей тянулись над станками Вильфрандских Анисим стучали, как стая малых чумачетов... В Архангельске уже похолодало. Рамчик Мусевичкий улыбался тайным своим мыслям. Они ломали технические нормы, проектные мощности, производственные планы... Яков Бельих возвращался в неуют обещания в «Поднятой пелену»; он никак не мог одолеть ее; сколько-ни взглядом по странице, забывал «все предидущее», откладывал книгу и воял в воздух.

— Ага! Запрта я это попробую!.. Попробовать можно!

Эти люди еще не знали друг друга.

В ночь перед Международным пленумом Яков Алексей Стаханов вылетел на-гора сто две тонны угля. Имя его пришептало, как ветер, по всей стране, потом прокатилось, как гром. Яков Бельих оземелел. Секретарь партийной ячейки был за него. Бутлер стоял грустным, смущенным, упрямленным, готовый помириться, Яков продолжал победить станок, выку-

А. М. ГОРЬКИЙ В ИЗДАНИЯХ 1936 И 1937 ГОДОВ

За девятнадцать лет революции произведения А. М. Горького были изданы на русском языке в количестве 387 названий тиражом около 30 миллионов экземпляров, а на языках народов СССР — в количестве 150 названий тиражом в 1400 000 экземпляров.

В текущем году произведения А. М. Горького выпущены в два — на русском языке тиражом около 180 тысяч экземпляров и на языках народов СССР — в количестве около 80 тысяч экземпляров.

В настоящее время Гослитиздат начал издание полного собрания сочинений А. М. Горького в пятнадцати томах по два тома в каждой книге. Уже сланы в печать первые три книги, в которые вошли произведения, начиная с самых ранних и кончая произведениями 1899 года. В течение текущего и будущего года выйдут десять книг (20 томов) А. М. Горького.

В 1936 году выйдут также новые издания произведений А. М. Горького в двух томах с биографическим очерком, под редакцией и с примечаниями И. А. Грцелера. Содержание I тома: «Маяк Чупра», «Челюски», «На плотах», «Дело о восточниках», «Оборонка», «Бывшие люди», «Кирпичка», «Двадцать шесть и одна», «Злодей», «Фомка Гордеев», «На дне», «Враги», «Песня о буревестнике», «Товарищи», «9-е января», «Мать», «Сказки об Италии», «Романтик», «Мордовка», «Содержание II тома: «Рождение человека», «Ералаш», «Как сложили песню», «Птичий грех», «Зрители», «Легкий человек», «Страсти-мордасти», «Веселчак», «Детство», «В людях», «Мои университетские», «Сторож», «Хозяин», «Огонь», «Анекдот», «Голубая жизнь», «Рассказ о необыкновенном проводнике», «Вяблем», «О тараканах», «Дело Артамоновых», «Лето Толстого», «Левин Андрей», «В. П. Коротков», «О Галиле-Михайловиче», «В. И. Ленин», Трагедия двухтомника — 35.000.

Отдельными изданиями выйдут в этом году еще четыре части романа «Жизнь Клим Самгина» (в двух томах тираж — 20.000) и четвертая часть романа.

В массовом издании, под редакцией Б. В. Федорова, выйдут избранные произведения А. М. Горького. Для начинающего читателя, тиражом в 100.000, в этом году будут выпущены отдельные книжками: «По Руси» и «Юношество». В будущем году тиражом в 150.000 экземпляров — «9 января», «Мальва», «Рассказы».

В 1937 году будет переведено шеститомное собрание сочинений А. М. Горького, в которые войдут: «Лето Толстого» (том I), «Детство» (том II), «В людях» (том III), «Мои университетские» (том IV), «Дело Артамоновых» (том V) и рассказы: «На плотах», «Дело о восточниках», «Оборонка», «Бывшие люди», «Кирпичка», «Веселчак», «Анекдот», «Вяблем», «Как сложили песню» и др. (том VI).

Отдельными иллюстрированными изданиями в 1937 году выйдут «Васса Железнова», «Матвей Кожемякин», «Мать», «Детство», «В людях», «Мои университетские», «Рассказы». В массовой серии — тиражом в 100.000 — будут изданы отдельные книжки А. М. Горького: «Ранние рассказы», «Последние рассказы», «Детство», «В людях», «Мои университетские».

Для советских ребят выйдут также же иллюстрированными изданиями «Мать» и «Детство».

Вс. Иванов в Казахстане

В столице Казахской Республики, в пяти километрах от Алма-Аты, состоялся митинг, на котором колхозники дали вручен акт на вечное пользование земель.

В предвидении митинга были избраны старейшие колхозники, председатель горювата Г. Сармуков и председатель из Москвы писатель Вс. Иванов. В своем выступлении на митинге Вс. Иванов вспоминал прошлое бытие колхоза, который он хорошо знал 23 года назад и где он видел, как царские чиновники «стравили» казахов и киргизов.

— Мы присутствуем, — сказал Вс. Иванов, — при рождении нового государства, входящего в состав народов, возмужавшему десятилетиями гнетом человечества Казахстан. Мне глубоко убеждено, что Казахстан в предстоящей сельскохозяйственной революции, которую увидят люди со всех концов земли, покажет такую же замечательную продукцию, какую он показал во время десятилетия казахского искусства в Москве.

В заключение своей речи Вс. Иванов сообщил колхозникам, что приехал в Казахстан, чтобы поработать над киносценарием о казахстанском народном герое, вожде Тургунского восстания в 1916 году — Амангельды Иманове.

Собравшиеся на митинг колхозники написали коллективное письмо т. Сталину, по определению т. Вс. Иванова — яркий поэтический документ, в котором звучит во весь голос счастье народа, настоящее трудовое счастье людей, строящих новую жизнь.

В беседе с нашим корреспондентом Вс. Иванов рассказал о своих ближайших творческих планах. Казахские писатели Венедикт Малин, Рабит Мухомбетов и Вс. Иванов коллективно пишут сценарий об Амангельды Иманове. Авторы решили побывать на родине Амангельды — в Тургае, куда они выедут 10 сентября. После Тургае Вс. Иванов собирается совершить поездку через Орск и Оренбург в южную часть Башкирии, в те места, где проходили части маршала Блюхера.

— Я предполагаю написать, — говорит Вс. Иванов, — «Историю рейда Блюхера» для готовящегося в Воениздат издания: «История 30-й дивизии».

Кроме того материалы, собранные в Башкирии, будут использованы писателем для его новой песни, которую он намерен писать в двадцатилетнюю годовщину Великой Пролетарской революции.

В зерносовхозе им. Ленина Куйбышевского края Чапаевского района на ветровых щитах хедера комбайна установлены сетки для задержки колосьев, перебираемых мотокосом. На снимке: комбайнер-орденоносец Г. Дуранов очищает сетку от колосьев.

Бдительность в издательствах

С чувством глубокого удовлетворения встретили трудящиеся Советской Страны приговор Верховного суда над бывшей политической убицей, поднявшей руку на вождя социализма, убивших С. М. Бирова. Суровый и справедливый приговор привнес в исполнение. Вышолена воля миллионов, с омерзением и негодованием произносящих имена предателей, убиц из-за угла: Троцкого, Зиновьева, Каменева, их сообщников. Выданы, утерявшие все, что отличает человека от зверя, повинные уголовные преступления и величайшие преступления людей современности, вожди народов — товарища Сталина, в его боевых друзьях и соратниках. Чувственное преступление, предел моральной падения и политического разложения!

Литераторы Советского Союза должны суметь являть уроки, сделать выводы из процесса над троцкистско-зиновьевской бандой. Еще сильнее должны мы оплотнить свои ряды под руководством Сталина, еще зорче следить за происками врагов. Революционная бдительность, которой учит нас партия, должна быть непреходящим законом деятельности каждого литератора. Методы работы, моральный уровень, цели, которые ставила перед собой контрреволюция, показывая, на что способны работы и воровские издательства. Острым, разящим врага оружием художественного слова, повинные в зоркости в распознавании враждебных элементов, более четкой работой во всех областях должны ответить контрреволюции работникам литературы.

Предоставленные советской властью исключительные условия литературной работы враг стремится использовать в преступных целях. Малейший промах, недосмотр и благодушие могут принести огромный, непоправимый вред. Особенно должны быть бдительными наши журналы, издательства и, в частности, издательства художественной литературы. Они печатают десятки тысяч книг. Это — мощное оружие коммунистической пропаганды, познания политической и культурной úrovни народов. Враг стремится проникнуть в эту область, чтобы использовать ее в своих целях, принести вред партии и всему советскому народу. Революционная бдительность — задача не одних лишь редакционных работников, но и всех имеющих отношение к книге, в первую очередь — авторов. Нечего замалчивать, что некоторые из наших авторов, слава рукам в издательство, забывали о ней, интересовались лишь тем — вышла ли книга. Они не проверяют, не спрашивают ли те или иные фразы этой книги или отдельные страницы не удачными или даже вредными по-

тиски в измененные обстановке. Они сдают на переиздание книги, вышедшие несколько лет назад, не проверяя текста, не внося исправлений в соответствии с требованиями жизни. Они надеются на редактора. Редактор, назначение редактора огромно, его ответственность велика, но это не снимает ответственности и у автора. Отношения между автором и редактором в нашей стране основаны на принципах сотрудничества, взаимопомощи, а не противопоставления. Быть бдительным в работе над книгой, в редакционно-издательской работе — это значит уметь под самой сложной системой ухищрений вскрыть враждебную идеологию, быть чутким к малейшей фальши. Не только в работе над рукописью обязан редактор быть внимательным, но и в наблюдении над всем процессом печатания. Выявлять случаи, когда враг стремится сделать свое грязное дело уже в процессе производства.

На днях в книге А. Барбоса, выходящей в Гослитиздате, в одной из фраз слово «слово» было заменено в типографии словом «слово». Это незначительное изменение однако привнесло в фразе контрреволюционный смысл. Фраз, искажая смысл отдельных слов, пытается замаскироваться, достигая своей цели, которая состоит в том, чтобы обмануть читателя, который не может осуществить в отношении борьбы. Быть бдительным в работе над книгой — это значит хорошо знать свои кадры, проверить их, освобождать от людей чуждых, слухавших, от всякого рода проходчиков, которые стремятся затесаться в литературную среду. Разве не вылезает еще до сих пор вокруг наших крупных писателей, издательств, редакций журналов люди сомнительные, обывающие пороги редакций, не имеющие по существу никакого отношения к литературе, но делающие вид, что они ведут какую-то «высокую полевую» деятельность. Они ходят из редакции в издательство, представляют свои услуги, просят помощи... Находятся люди, которые помогают им, берут на себя хлопоты о их судьбе.

Не так давно пороки издательства «Искусство» и «Советский писатель» подверглись осуждению. «Искусство» произвело в течение длительного периода времени он пользовался госпредприятием литературных организаций, жил в доме отцовской ССР, вращался в литературной среде. Замаскировался рекомендацией, он обратился в Гослитиздат за материальной поддержкой. При первом же ознакомлении с рукописью оказалось, что авантюрист пытался выдать за свободные литературные опыты враждебные пролетариату, контрреволюционные идеи, что его «новаторство»

было лишь ловкой маскировкой, идеологическим надр простачками. По своему качеству это был инкогнито обман, порождение чужих приемов, выдуманное за «экзотическим». Сам Историю, ныне разоблаченный и наказанный, оказался в действительности врагом, а не авантюристом. Вот факт, когда высоким званием советского писателя прикрывался жулик, враг народа!

Огромное значение имеет подбор кадров редакторов и рецензентов. Они оценивают книгу, дают ей путевку в жизнь, и от них зависит пережить судьба книги. Но можем ли мы сказать, что в этой области все обстоит благополучно? Из кого состоят рецензенты издательства художественной литературы? Передаю здесь подлинный текст письма, которым нельзя верить дурной работе, а им доверяют эту важную и ответственную функцию. Пользуясь благодушием редакторов и рецензентов, враждебные элементы пытаются использовать печатное слово в своих целях. Интуитивный террорист Пискарев не случайно избрал область искусства как прикрытие своей преступной деятельности. Он пытался пропихнуть в Гослитиздате свою книгу, печатая статьи, сотрудничая в «Новом мире». Этот господин хотел стать авторитетным судьей в вопросах искусства. На деле же ему были известны безразличия и театр в литературе. Работа в этой области нужна ему была лишь для получения контрреволюционной деятельности.

Есть не мало условий, которые способствуют притуплению революционной бдительности, а следовательно и работе врагов. Отдельные писатели охотно дают рекомендации людям, не проверившим, дают положительные оценки рукописям, при ближайшем ознакомлении с которыми оказывается, что это в лучшем случае бред и болтовня. Это — традиция благодушия, стремления переключить ответственность на других. «Дам рекомендацию, отведу, а издательство так раскулачит иногда рекомендацию. А человек, получивший их от меня, скажется на них, злоупотребит ими как визиткой, нередко пропихнет такую книгу в литературу. Для того чтобы разоблачить врага, помануть его контрреволюционной работе, писатели, редакторы и редакционные работники должны работать совместно, помогать друг другу, не перекладывая ответственности на других. В борьбе с гнусными предателями не может быть людей нейтральных и равнодушных. Это долг каждого литератора, каждого, кому дороги интересы социалистической работы и социалистического искусства.

И. БЕСПАЛОВ

Клевета на советскую деревню

К сожалению, наряду с пропагандой идеями, пропитанными социалистическими идеями, у нас еще появляются и такие книги, в которых явно протрунают идеи враждебные социализму.

К числу таких произведений относится повесть Зарудина «В народном лесу». Речь идет о деревне 1928 года. Советская деревня накануне коллективизации представлена Зарудиным как тупая, страшная, уродливая стихия. Новые силы деревни олицетворяют жертвенный, хилый мужичок и горбушка Анна, представленная в виде некоей «святой». Зарудин так и пишет о ней: «Стихо все, как провала она, светлая желтым ликом к иконному углу, по старинному правду сотворил поклон и знаменье... «Сто лет бы долее — быть ей старшей в духах старых лесов, в мужжьем, звучат весьма недвусмысленно, потому что всему, что говорит враг, в повести ничего не противопоставляется. Наоборот, слова врага лишь подкрепляются всею образной структурой повести. Деревня по Зарудину состоит из людей жестоких, диких, грубых и двух-трех одиночек — «неприспособленных дураков». Лишь в эпилоге сообщается, что кутак раскулачился, а эсер расстрелян, но это регистрационное сообщение ничего не меняет.

Зарудин должен был понимать, что эту повесть нельзя публиковать в столь обнаженном виде. Ведь неудобно печатать повесть о советской деревне в таких тонах. И к повести приделывается эпилог, состоящий из нескольких страниц. Героиней этого эпилога вдруг оказывается Анна. Автор несколько не затрудняет себя необходимостью какого бы то ни было объяснения, почему именно эта святыха становится в эпилоге ударницей. Стала — и все.

Оправившись в повести лишь несколькими политически северными вычислениями строками о коллективизации («святая пошла разговору про коллективизацию, да про коммунизм, там и сам только и слышно было про индивидуальность и добавочных по индивидуальности») — в эпилоге Зарудин сообщает, что дикая деревня, которую он описывал — как бы по чужьму повелению, превратилась в колхозную деревню.

«Вертелась земля» — увернет Зарудин — и только это объяснение и должен «принять» читатель. Поверить Зарудину, что его жалкие и страшные «сужасмы» — «заезденный мужик о бочечком», страшный пожарок с «ополоумевшей свиньей» и мычание глухонемой, грозной природой, враждебной и страшной. «Каждый год бывал окрест (какое «народное» слово!) утолнения, убивали народ злою, когда валили леса, и больше того принимали кончину от небесного огня в грозу». Повествование полюбился Зарудину поповский стиль.

Далее «мохоская барышня» узнает деревню и с другой стороны. Крестьяне, жалкие и запуганные стихией, в свою очередь готовы ахать, затравить всякого, кто окажется перед ними в униженном положении. Зерновая нехватка в городе обуржуазится на «барышню». Как только представляется возможность, «народ» покажет свое лицо, эверное лицо. И только «святая» Анна спасает «барышню» от злобы крестьян. Пылают, драки, тыма и неженство — вот что характерно для советской деревни по Зарудину. Нищая, дикая деревня противопоставлена организованному хозяйству единственного крупного кулака, который, кстати, поразительно похож на фелинского Свакера.

Помогит, как Зарудин изображает сцену скоток с участием эсера: «...не отстает Леонидчик; подламывает пердепие. — Нет, принеся и он еще тише, как настоящий крестьянин — спина ровная, грудь наружу, легко и смертельно отскриывает под травой, — работник работником. Не похвалили даже мужики, будто свой брат, и косил он с ними до самого жару».

Что же хотел показать в этой сцене Зарудин? Что эсер-контрреволюци-

онер «свой брат» для крестьян? Зарудин может возразить: и враг может хитро хитрить, а крестьяне не знают, что он враг. Но сам Зарудин знает, что он враг. Какой же метод использовал он для изображения образа врага?

Зарудин приводит его мысли: «Материализм» — конечно. Вне всяких особых чувств — русский мужик величайший материалист, поэтому с ним по пути, и мы — Мужик покажет еще товарищам гуманитам». Жене он рассказывает о том, как погиб единственной в деревне коммунист, спасая людей от огня: «Николай Леонидович что-то сказал о безлюдной жертвенности дураков и неприспособленных». Все это враг молдумать и говорить, но эти слова, сказанные глубоко враждебным персонажем, потому что всему, что говорит враг, в повести ничего не противопоставляется. Наоборот, слова врага лишь подкрепляются всею образной структурой повести. Деревня по Зарудину состоит из людей жестоких, диких, грубых и двух-трех одиночек — «неприспособленных дураков». Лишь в эпилоге сообщается, что кутак раскулачился, а эсер расстрелян, но это регистрационное сообщение ничего не меняет.

Зарудин должен был понимать, что эту повесть нельзя публиковать в столь обнаженном виде. Ведь неудобно печатать повесть о советской деревне в таких тонах. И к повести приделывается эпилог, состоящий из нескольких страниц. Героиней этого эпилога вдруг оказывается Анна. Автор несколько не затрудняет себя необходимостью какого бы то ни было объяснения, почему именно эта святыха становится в эпилоге ударницей. Стала — и все.

Оправившись в повести лишь несколькими политически северными вычислениями строками о коллективизации («святая пошла разговору про коллективизацию, да про коммунизм, там и сам только и слышно было про индивидуальность и добавочных по индивидуальности») — в эпилоге Зарудин сообщает, что дикая деревня, которую он описывал — как бы по чужьму повелению, превратилась в колхозную деревню.

«Вертелась земля» — увернет Зарудин — и только это объяснение и должен «принять» читатель. Поверить Зарудину, что его жалкие и страшные «сужасмы» — «заезденный мужик о бочечком», страшный пожарок с «ополоумевшей свиньей» и мычание глухонемой, грозной природой, враждебной и страшной. «Каждый год бывал окрест (какое «народное» слово!) утолнения, убивали народ злою, когда валили леса, и больше того принимали кончину от небесного огня в грозу». Повествование полюбился Зарудину поповский стиль.

Далее «мохоская барышня» узнает деревню и с другой стороны. Крестьяне, жалкие и запуганные стихией, в свою очередь готовы ахать, затравить всякого, кто окажется перед ними в униженном положении. Зерновая нехватка в городе обуржуазится на «барышню». Как только представляется возможность, «народ» покажет свое лицо, эверное лицо. И только «святая» Анна спасает «барышню» от злобы крестьян. Пылают, драки, тыма и неженство — вот что характерно для советской деревни по Зарудину. Нищая, дикая деревня противопоставлена организованному хозяйству единственного крупного кулака, который, кстати, поразительно похож на фелинского Свакера.

Помогит, как Зарудин изображает сцену скоток с участием эсера: «...не отстает Леонидчик; подламывает пердепие. — Нет, принеся и он еще тише, как настоящий крестьянин — спина ровная, грудь наружу, легко и смертельно отскриывает под травой, — работник работником. Не похвалили даже мужики, будто свой брат, и косил он с ними до самого жару».

Что же хотел показать в этой сцене Зарудин? Что эсер-контрреволюци-

онер «свой брат» для крестьян? Зарудин может возразить: и враг может хитро хитрить, а крестьяне не знают, что он враг. Но сам Зарудин знает, что он враг. Какой же метод использовал он для изображения образа врага?

Зарудин приводит его мысли: «Материализм» — конечно. Вне всяких особых чувств — русский мужик величайший материалист, поэтому с ним по пути, и мы — Мужик покажет еще товарищам гуманитам». Жене он рассказывает о том, как погиб единственной в деревне коммунист, спасая людей от огня: «Николай Леонидович что-то сказал о безлюдной жертвенности дураков и неприспособленных». Все это враг молдумать и говорить, но эти слова, сказанные глубоко враждебным персонажем, потому что всему, что говорит враг, в повести ничего не противопоставляется. Наоборот, слова врага лишь подкрепляются всею образной структурой повести. Деревня по Зарудину состоит из людей жестоких, диких, грубых и двух-трех одиночек — «неприспособленных дураков». Лишь в эпилоге сообщается, что кутак раскулачился, а эсер расстрелян, но это регистрационное сообщение ничего не меняет.

Зарудин должен был понимать, что эту повесть нельзя публиковать в столь обнаженном виде. Ведь неудобно печатать повесть о советской деревне в таких тонах. И к повести приделывается эпилог, состоящий из нескольких страниц. Героиней этого эпилога вдруг оказывается Анна. Автор несколько не затрудняет себя необходимостью какого бы то ни было объяснения, почему именно эта святыха становится в эпилоге ударницей. Стала — и все.

Оправившись в повести лишь несколькими политически северными вычислениями строками о коллективизации («святая пошла разговору про коллективизацию, да про коммунизм, там и сам только и слышно было про индивидуальность и добавочных по индивидуальности») — в эпилоге Зарудин сообщает, что дикая деревня, которую он описывал — как бы по чужьму повелению, превратилась в колхозную деревню.

Отрывки из поэмы

С. ЩИПАЧЕВ

И это о ней говорит военком — Курсытская слава идет далеко, цулей свистит, шелестит ветром, — и это о ней говорит военком. Звезают штыри, в потопленном клубе в ушах заелеса, но слава, как ветер, глаза обожгла. Военком говорит — я питаю стгоб рванулся в атаку от прова багров.

И выслу на выслу везут батальоны. Кровь по лицу, ищи снег стгоб солдаты? Осталось по сему человеку в батальоне... Речь военома скула и проста, но слышно оковах рече, как гремит повала: жут на фронты за составом состав. Московских курсытов зовет труба.

Над Тверью, над Псковом гремит труба. Снарнд неразорваия, грянула труба — и струинок смерть заелкала на губах. Полежут в снегах — не случится такне.

Их знают: Воронев, и Харьюв, и Киев; их знают: Повозьев, Кронштадт, Перевоз. Курсытская слава идет далеко, цулей свистит, шелестит ветром — и это о ней говорит военком — в курсытам видна: на баши на них над снегами страны морские орудия наведены. От горького дыма Кронштадт стал седым, и лед повраснев, и в огонь, и в дым под окове небо — фонтаны воды. Но в белых халатах, у всех на выду, окошая в перебежках по дряблому выду, курсытские цули ва подступ идут...

Военком не отбавля отвал воды. Пять острых углов у лобастой азелды. А в городе — ветер. Вся аземля продули кронштадтские восты — ахиллские цули.

Курсытны выпускаю на шадак, но в телеграмме ясно все. Ахрельский ветер в синих брызгах, салы и улацы обрывает, вожможей веткой бьет в лицо, в ремнях, в кавалерийских брэдлах, стоит в выпускнике. И вщи их предвещно спомосе. Лишь стоптанные сапоги глады уныло из-под кова. Вчера в красокном их спомосит на хром,

в котором слово лед тускнеет отраженным шпором, на довоенный хром, который еще немного пальцы шмет, наполняя скрипом коридором. Сегодня все спилось в одно: и сверил, и ветви проливные, и это небо на окля, и папиросы выпускающие, и аэлик ковы и суны. Бланыи думает:

«вот как бы с нагном, о сумкой полевой, в ремнях, красокном такому, пройтись по горлоду ролжому, в укове встать перед братоив, и вместе с ними вспомнить, как он в сапогах отповоках старых колы в улом РСМ, как горлодок сносил улары, уг обесовенный совсем». Еще горят следы войны, и скажут влугуб Телдживистона на метких конях басыаши. И через день, через неделю (к стоптанкам чалынка готов!) уж всем трагистся в гелдлушках тесных,

где вошь тифозная и песня, и мимолетная любовь. По всей стране красокном идет все тот же ветер негодный, и дни, как покаяние полова, и бгы, пронахивши на полове амьской грустью потнинов...

ПОШЛОСТЬ И ФАЛЬСИФИКАЦИЯ

М. СЕРЕБРЯНСКИЙ

За последние два-три года, как это видно из конкретных фактов, историческая тематика занимает значительное место в советской литературе. Художественные произведения на темы из истории массовых народных движений и борьбы пролетариата пользуются в читательской среде большой популярностью и этот растущий интерес широчайшим слогар к историческому прошлому прямо и непосредственно вытекает из факта окончательной победы социализма в нашей стране.

Но эти исторические темы, имеющие важнейшее воспитательное значение, разрабатывают не только талантливые советские художники. К этим темам тянутся и руки фальсификаторов, людей, которые лгут и искажают ценнейшие страницы истории рабочего класса. Такой фальсификацией истории является роман Г. Серебряковой «Юность Маркса» — чуждая и враждебная принципам и духу советской социалистической литературы.

В двухтомном романе Г. Серебряковой описание жизни Маркса занимает сравнительно немного места, но на тех страницах этого бесталантированного произведения Г. Серебряковой образ основоположника научного социализма совершенно искажен и опошлен. Внешне может показаться, что Г. Серебрякова следует фактам биографии юного Маркса. Но при ближайшем рассмотрении не трудно увидеть, что биографические факты фальсифицированы, искажены ею в самой основе. Ибо из них вытравлено все то, что должно было показать читателю формирование Маркса-революционера, пламенного борца за интересы трудового человечества. В романе Г. Серебряковой настоящий Маркс, которого трудя-

щиеся массам знают по его биографии и произведениям, энергичным, ярким, страстным человеком и бойцом, — подменен тусклым и бесцветным образом какого-то рассудительного ученого, кабинетного академического деятеля, совсем в духе мельбурнских суждений о Марксе и марксизме, из которого революционность удаляли его большевистскую сущность.

Дух пошлости и узколобой обывательщины господствует в книге, как ее основной идейно-эмоциональный тон во всех описаниях, касающихся жизни юного Маркса, его отношений к близким людям — к друзьям, к семье, к Женни фон Вестфален, образ которой в книге Серебряковой резко расходится с тем, что известно об этом замечательном человеке — и друге Маркса, — из исторических документов и переписки.

Роман о Марксе должен был бы являться историко-философским художественным произведением, самым сюжет которого может разоблачиться в картинах, образно рисующих идейное развитие главного героя, т. е. в картинах, рисующих сознание Маркса революционером, идеологом протеста. Но в «Юности Маркса» инаблюдается иная картина. Формирование Маркса лишь обнаруживает полное творческое бессилие и неспособность автора проникнуть в богатый внутренний мир Маркса и правдиво изобразить в художественной форме факты огромного практического и философского значения. Сравнивая с такой темой может только полнейший художник и революционер. Ни того, ни другого качества у Г. Серебряковой нет. Она смела только сказать и ополнить образ великого Маркса в духе меланхолических и мельбурнских представлений о нем.

Даже в показе бытовых деталей Г. Серебрякова использует этот «кабинетный путь» изображения. Для того, чтобы показать, что молодому Марксу не было нужно ничто, кроме т. е. любовные увлечения, пишущий о друзьях и т. п., — Серебрякова описывает соответствующие сцены и случаи, в которых Маркс является только свидетелем, а затем сообщает, что и Маркс вел себя так же, как и другие студенты. Все эти сцены, написанные жалким и бесцветным слогом, пропитаны особенно серым впечатлением.

Самое собой разумеется, что художественного обобщения фактов на жизнь и деятельность юного Маркса, пока что, как формировался его гений, как выходящая основа его мировоззрения — в романе нет. Человек, чуждый марксизму, не понимая революционного смысла и содержания биографии Маркса, Г. Серебрякова не могла, конечно, правдиво рассказать о Марксе в свете

идей социализма и пронзать этой идеей свое произведение.

Она сделала только то, что отвело ее желаниям. Она фальсифицировала факты, искажала биографию Маркса, ополчила и оклеветала бесцветный образ вождя и учителя международного рабочего класса.

Не случайно книгу Серебряковой энергично защищал и поддерживал троцкист-террорист Фрийдланд.

Не случайно автор этого безобразного романа и его защитник оказались людьми из одного стана наших врагов.

Большую ошибку допустили редакция «Октябрь» и издательство, напечатавшие и не сумевшие своевременно разглядеть его полнейший смысл и фальсификационный характер.

Большая вина лежит и на критиках, рекомендовавших «роман» Г. Серебряковой, как положительный элемент советской литературы (например, в статье Эпштейна в «Октябре» за 1935 г., в рецензии Е. Кинюшки в «Литературной газете» от 20 августа 1935 г. и многих других).

Из истории с «романом» Г. Серебряковой литературная общественность должна сделать все выводы. Надо решительно прервать работу критиков и литературно-критических журналов, чтобы ницкая и услужливая революционная бдительность не осталась пустым звуком.

Как это случилось, что критиком не был дан своевременный отпор этому безобразному и клеветническому произведению? В немалой мере потому, что в нашей литературной среде и в критике еще существует слепое и вредное преклонение перед всем, что напишет тот или иной писатель, слепое преклонение перед писательским именем вообще, забвение той простой истины, что книги пишутся для читателей, что к читателю надо проявлять только по-настоящему талантливые и нужные произведения.

Только знающие и смелые люди

полагают, что если книга написана на тему важную и значительную, можно закрыть глаза на то, как выположена эта тема, насколько исторически и художественно правдиво дано произведение. До сих пор существует в критике вредное и глубоко ошибочное деление на оценки со стороны художественной и общественно-политической; деление тем более недопустимое, что на примере «Юности Маркса» прекрасно видно, как безобразное выполнение важной темы тесно связано с политической фальсификацией и искажением материала.

И надо сказать, что известная боязнь большевистской самокритики в писательской среде тоже способствует тому, что любое литературное ничтожество при помощи услужливых друзей добивается невазначной славы и известности.

Г. Серебрякова ловко использовала болезнь и недостаток литературной среды, политическую слепоту, эстетическую беззаботность и нетребовательность некоторых критиков. Но это говорит лишь о том, что в литературе нашей еще недостаточно усвоены указания партии о правильной большевистской критике и самокритике, что недостаточно усвоены указания А. М. Горького, великого любовью любящего советскую литературу, воспитавшего немало талантливых писателей и безжалостно клеймившего все пережитки прошлого в литературной среде.

Все эти указания партии и А. М. Горького надо решительно сделать главным и основным в критической работе, и тогда критика сумеет своевременно разоблачить врага, как бы хитро этот враг ни замаскировался.

Н. ДМИТРИЕВ

За рубежом

«ПОЭТЫ» В III ИМПЕРИИ

В немецком эмигрантском журнале «Дао нефе татбух» помещена статья немецкого писателя-эмигранта Курта Керстена, который сообщает о положении литературных дел в III Империи.

Каждая провинция, каждый город хочет иметь своего поэта-лауреата: они необходимы для парадов, маршей и других пропагандистских мероприятий.

«В III Империи, — пишет Керстен, — нет свободы слова и печати, но есть премия за стихотворство. Там спускает предостережение революция при слове «культура».

Воззвание подписано председателем каталонского парламента, проф. Хома Сепра Хинто и целым рядом писателей, художников, профессоров, артистов, скульпторов и архитекторов.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КАТАЛОНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Газета «Труд», орган объединенной социалистической партии Каталонии, опубликовала воззвание к революционному народу Каталонии, выпущенное Ассоциацией интеллигентов в эмиграции.

Фашистскому фронту и готовым всеми средствами бороться за свободу народа... Мы хотим выступить единым фронтом вместе с интеллигенцией Франции и Испании, которая решительно встала на сторону революционного пролетариата.

ВАЙЯН-КУТЮРЬЕ О КУЛЬТУРЕ

Член коммунистической фракции Французского парламента, редактор «Юманите» Поль Вайян-Кутюрье, наряду с другими французскими писателями высказывается по поводу анкеты, предложенной «Комюней».

Народные массы любят и ценят искусство, несмотря на то, что их всегда намеренно держали в стороне от него. Их тяга к искусству непосредственна, инстинктивна.

«Во Франции, — пишет Вайян-Кутюрье, — нетрудно создать хороший театр. Нет недостатка ни в драматургах (Жироуд, Жюль Ромэн, Демарья, Шарль Вильдрак, Жан-Ришар Блок и др.), ни в серьезных режиссерах.

Монолитная революционная литература Испании обогатила мировую революционную литературу книгами мужественными и искренними, правдивыми и гневными.

Кино и радио в силу своих специфических особенностей могут оказать огромное влияние на воспитание масс. Буржуазный театр в конечном итоге является достоянием небольшой кучки «сборщиков».

Испанские писатели дали очень широкую художественную документацию революции. Такие книги, как «На месте преступления» Рамоны Сендера, «Последний пират Средиземного моря» Бенавидеса, «Астурия» Вальдеса, представляют блестящее обвинительное заключение против клерикально-помещичьей Испании.

Высокая расценка театральные билеты, небольшая вместимость зрительных зал служат важнейшими препятствиями к популяризации театра. Нужны большие залы, лучшие арены, которые могли бы одновременно служить и цирком и стадионом; они должны быть рассчитаны на миллионы зрителей.

Необходимо в рабочих кварталах выстроить народные дома, клубы, школы. Наши поэты должны, как в СССР, стать поэтами всего народа».

ЛЕВЫЙ КЛУБ КНИГИ

В «Литературной газете» (от 10 апреля) сообщалось о том, что в Лондоне издательство Голланди основало левый «клуб книги», ставящий своей задачей издание и распространение «любимых книг» с целью «помочь борьбе против фашизма, борьбе за мир во всем мире, за лучший социальный строй».

Испанская революционная литература даже и синтетические книги о революции, художественное обобщение типических черт революционной действительности, она полна проблемами, далеко переставшими местные и даже национальные рамки.

БЕЗРАБОТИЦА СРЕДИ АМЕРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

«Новель литер» (ВУИП) помещила корреспонденцию о безработице среди американских писателей и журналистов. За время кризиса многие издатели потеряли чред, оставшихся — значительно сократили расходы на печать.

Поземья Рафаэля Альберти и возвращение к традициям английской поэзии, обращение к несомненно творчеству народа, перестраивая не только тематику, но и поэтический строй испанского стиха.

Правительство организует своего рода «общественные работы» для писателей. С этой целью начато издание пятитомного путеводителя по стране. В этой работе участвуют всего 2,500 человек, из них 800 нью-йоркских издателей.

Замечательны напряженные, исключительно глубокие по мысли, возмущающие творческие плачи Сендера. Его «Тайна», поставленная на острие проблемы революционной этики, по-новому осмысливая саму проблему трагического героя и давняя эта новая героиня — является крупным шагом по пути к большому искусству революционной трагедии.

ТВОРЧЕСТВО ДЕТЕЙ НАРОДОВ СССР НА ПАРИЖСКОЙ ВЫСТАВКЕ

Центральным домом культуры им. А. С. Бубнова подготовлены экспонаты для детского раздела СССР на парижской международной выставке 1937 г.

Замечательны напряженные, исключительно глубокие по мысли, возмущающие творческие плачи Сендера. Его «Тайна», поставленная на острие проблемы революционной этики, по-новому осмысливая саму проблему трагического героя и давняя эта новая героиня — является крупным шагом по пути к большому искусству революционной трагедии.

Алексей Толстой читает свою новую пьесу в Центральном детском театре. Слева направо: директор Центрального детского театра, заслуженная артистка республики Н. Сац, А. Н. Толстой и худ. В. Рындин

Новая пьеса Ал. Толстого

Папа Кирило вырвал из плена куклу Буратино и дал ей жизнь... Добрый папа Кирило продал свою единственную куртку и купил Буратино азбуку, чтобы мальчик мог пойти в школу.

Четыре дня назад Ал. Толстой читал свою пьесу группе театра. Артисты с большим интересом и вниманием слушали его мастерское чтение.

Многие артисты полные художественно-эстетические произведения, а колоссальное чувство, которое мы испытываем при чтении этой пьесы, прекрасно написанными ролями, позволяют нам сказать, что на нашей улице праздник!

ИСПАНИЯ В РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Молодая революционная литература Испании обогатила мировую революционную литературу книгами мужественными и искренними, правдивыми и гневными.

Постепенно отходя от простой фактографии, революционные писатели Испании пробовали себе дорогу к подлинному реализму коммунистическому.

Полнимающая зная восстания революционная масса выступает в «Семь красных восстаний» со всеми особенностями национального характера, такой, какой мы ее видим в сегоднешней героической борьбе испанского народа.

НАЦИОНАЛИСТ В МАСКЕ СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ

Н. ЗАРЯН

20 ноября 1923 г. член Загтезурского дашнаковского комитета Агасе Бакуци участвовал на сессии дашнаков-«ликвидаторов», опубликовав свою политическую декларацию и перешел в ряды нашей партии.

Старик одиночки, с ресою на плечах, на фоне «мелких лиц», Патриархальная коса в глазах А. Бакунца является «восстающим являющимся светлым жемчужком».

В этих рассказах, как и прежде, невинным и «политичным», А. Бакунци высказывает ту мысль, что армянский крестьянин — стихийный фемон и что по своему быту и психологии почти ничем не отличается от медведя.

Здесь опять А. Бакунци клеветает на армянское трудовое крестьянство, навязывая ему свое дашнаковское зоологическое торжественно-наивное отношение к труду.

В этих рассказах, как и прежде, невинным и «политичным», А. Бакунци высказывает ту мысль, что армянский крестьянин — стихийный фемон и что по своему быту и психологии почти ничем не отличается от медведя.

Весь рассказ «Ворог мой род» — слабое аморальное троцкистское контрреволюционное памфлет, направленный против реконструкции дашнаковско-троцкистского «идея».

«Ворон против национализма» А. Бакунци продолжает еще смелее набирать по литературной арене. В наши дни не входит подражать бакунцианскому стилю, а лучше всего — глубоко и всесторонне изучив его произведения, показать, как А. Бакунци в продолжение всей своей литературной деятельности с змеиной последовательностью выпрыгивал из противоборствующей советской литературе, советской жизни позиции дашначества и троцкизма.

«Олень свирель» — рассказ, лирический сюжет и художественная конструкция. Автор описывает оленя на деревне агорийской Армении, где обосновались эмигранты-ликвидаторы Бакунца.

СЛОВО МАЛЕНЬКОГО ЧИТАТЕЛЯ

О «Льдине-холодине» Л. Кассля

Я буду таким же, как Шмидт и Ляпидевский. Прочитал книгу о наших героях-челюскинцах — «Льдина-холодина».

«Льдина-холодина» — книга о людях, которые в трудные времена революции и гражданской войны стояли на страже революции, революции, революции.

«Льдина-холодина» — книга о людях, которые в трудные времена революции и гражданской войны стояли на страже революции, революции, революции.

«Льдина-холодина» — книга о людях, которые в трудные времена революции и гражданской войны стояли на страже революции, революции, революции.

«Льдина-холодина» — книга о людях, которые в трудные времена революции и гражданской войны стояли на страже революции, революции, революции.

«Льдина-холодина» — книга о людях, которые в трудные времена революции и гражданской войны стояли на страже революции, революции, революции.

«Льдина-холодина» — книга о людях, которые в трудные времена революции и гражданской войны стояли на страже революции, революции, революции.

ЧТО ИЗДАСТ „АКАДЕМИА“ В 1937 ГОДУ

«Academia», — сообщил нашему сотруднику заведующий издательством т. Я. Д. Янсон. — Будет продолжаться в 1937 году издание классиков русской и мировой литературы. Кроме того будет расширен выпуск книг по вопросам культуры и искусства.

Среди изданий русской художественной литературы особое место займут издания Пушкина. Шеститомное собрание его сочинений с иллюстрациями старых и современных художников начнет выходить еще в текущем году. Последние томы выйдут в начале 1937 г.

К пушкинскому юбилею выйдут также отдельные иллюстрированные изданиями «Повести Белкина», «Пиковая дама», «Маленькие трагедии» и все сказки Пушкина.

В план издания русских классиков включено также четырехтомное иллюстрированное собрание сочинений Лермонтова, иллюстрированное тремя томами произведений Салтыкова-Щедрина, четыре тома Г. Успенского, три тома Некрасова, три тома Тургенева, двухтомник Гаршина. Несколько томов произведений Льва Толстого, Достоевского, Герцена.

Из произведений Горького «Academia» выпустит «Детство», «В людях», «Мои университеты», «Мать», а также его пьесы. Прозаические произведения Горького будут иллюстрированы рисунками лучших современных художников, а драматургические — снимками с постановок и действующих лиц.

По разделу французской литературы будет продолжен выпуск десятилетнего издания сочинений Дидро. Два тома этого издания уже вышли, два тома выйдут до конца текущего года, четыре — в будущем году.

Начат выпуск полного собрания сочинения А. Франса и полного собрания сочинения Балзак с иллюстрациями старых мастеров. В будущем году выйдут также два тома из собрания сочинения Мольера, отдельные произведения Золя, Мопссана и избранные произведения Вердена и Верлена.

В серии великих гуманистов будут изданы собрания сочинений Вольтера и Руссо.

В 1937 году издательство закончит выпуск собрания сочинения Гейне и продолжит издание собрания сочинения Шиллера. Особыми изданиями выйдут: «Лирки» Гейне, «Страдания молодого Вертера» и «Вильгельм Мейстер» Гете. Будут выпущены избранные произведения Гофмана в четырех томах, избранные сочинения Вилланда, Жан-Поль Рихтера, Клейста, Ленау. Предполагается издать также сборники «Ограждение французской революции в немецкой литературе», «Молодая Германия» и сборник немецких народных песен — «Чудесный рог мальчика».

ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ СССР

Сектор литературы Дагестанского научно-исследовательского института национальных культур подготовил и печатает сборник сказок дагестанских народов, объемом в 20 печатных листов. Наиболее богато в сборнике представлены сказки аварцев, кумысов и лезгинов.

Среди фольклорного материала, собранного сектором, большой интерес представляет героический эпос, относящийся к различным историческим периодам. Переведенные и частично уже подготовленные к печати песни, сказки (кроме вошедших в сборник) и пословицы будут изданы Госиздатом к 20-летию Великой Пролетарской революции.

Среди записей коми-пермяцкого фольклора есть ценные материалы о знаменитом архитекторе А. Н. Вороникине, бывшем крепостном графов Строгановых. На основе этих преданий построен биографический очерк о Вороникине, выходящий в Свердловском Гизе. Предания о Вороникине принесены на Урал крепостными пермяками, работавшими под руководством А. Н. Вороникина на стройках Петербурга.

Среди записей коми-пермяцкого фольклора есть ценные материалы о знаменитом архитекторе А. Н. Вороникине, бывшем крепостном графов Строгановых. На основе этих преданий построен биографический очерк о Вороникине, выходящий в Свердловском Гизе. Предания о Вороникине принесены на Урал крепостными пермяками, работавшими под руководством А. Н. Вороникина на стройках Петербурга.

Среди записей коми-пермяцкого фольклора есть ценные материалы о знаменитом архитекторе А. Н. Вороникине, бывшем крепостном графов Строгановых. На основе этих преданий построен биографический очерк о Вороникине, выходящий в Свердловском Гизе. Предания о Вороникине принесены на Урал крепостными пермяками, работавшими под руководством А. Н. Вороникина на стройках Петербурга.

Среди записей коми-пермяцкого фольклора есть ценные материалы о знаменитом архитекторе А. Н. Вороникине, бывшем крепостном графов Строгановых. На основе этих преданий построен биографический очерк о Вороникине, выходящий в Свердловском Гизе. Предания о Вороникине принесены на Урал крепостными пермяками, работавшими под руководством А. Н. Вороникина на стройках Петербурга.

Среди записей коми-пермяцкого фольклора есть ценные материалы о знаменитом архитекторе А. Н. Вороникине, бывшем крепостном графов Строгановых. На основе этих преданий построен биографический очерк о Вороникине, выходящий в Свердловском Гизе. Предания о Вороникине принесены на Урал крепостными пермяками, работавшими под руководством А. Н. Вороникина на стройках Петербурга.

Среди записей коми-пермяцкого фольклора есть ценные материалы о знаменитом архитекторе А. Н. Вороникине, бывшем крепостном графов Строгановых. На основе этих преданий построен биографический очерк о Вороникине, выходящий в Свердловском Гизе. Предания о Вороникине принесены на Урал крепостными пермяками, работавшими под руководством А. Н. Вороникина на стройках Петербурга.

Среди записей коми-пермяцкого фольклора есть ценные материалы о знаменитом архитекторе А. Н. Вороникине, бывшем крепостном графов Строгановых. На основе этих преданий построен биографический очерк о Вороникине, выходящий в Свердловском Гизе. Предания о Вороникине принесены на Урал крепостными пермяками, работавшими под руководством А. Н. Вороникина на стройках Петербурга.

Среди записей коми-пермяцкого фольклора есть ценные материалы о знаменитом архитекторе А. Н. Вороникине, бывшем крепостном графов Строгановых. На основе этих преданий построен биографический очерк о Вороникине, выходящий в Свердловском Гизе. Предания о Вороникине принесены на Урал крепостными пермяками, работавшими под руководством А. Н. Вороникина на стройках Петербурга.

Среди записей коми-пермяцкого фольклора есть ценные материалы о знаменитом архитекторе А. Н. Вороникине, бывшем крепостном графов Строгановых. На основе этих преданий построен биографический очерк о Вороникине, выходящий в Свердловском Гизе. Предания о Вороникине принесены на Урал крепостными пермяками, работавшими под руководством А. Н. Вороникина на стройках Петербурга.

Среди записей коми-пермяцкого фольклора есть ценные материалы о знаменитом архитекторе А. Н. Вороникине, бывшем крепостном графов Строгановых. На основе этих преданий построен биографический очерк о Вороникине, выходящий в Свердловском Гизе. Предания о Вороникине принесены на Урал крепостными пермяками, работавшими под руководством А. Н. Вороникина на стройках Петербурга.

Среди записей коми-пермяцкого фольклора есть ценные материалы о знаменитом архитекторе А. Н. Вороникине, бывшем крепостном графов Строгановых. На основе этих преданий построен биографический очерк о Вороникине, выходящий в Свердловском Гизе. Предания о Вороникине принесены на Урал крепостными пермяками, работавшими под руководством А. Н. Вороникина на стройках Петербурга.

Среди записей коми-пермяцкого фольклора есть ценные материалы о знаменитом архитекторе А. Н. Вороникине, бывшем крепостном графов Строгановых. На основе этих преданий построен биографический очерк о Вороникине, выходящий в Свердловском Гизе. Предания о Вороникине принесены на Урал крепостными пермяками, работавшими под руководством А. Н. Вороникина на стройках Петербурга.

Среди записей коми-пермяцкого фольклора есть ценные материалы о знаменитом архитекторе А. Н. Вороникине, бывшем крепостном графов Строгановых. На основе этих преданий построен биографический очерк о Вороникине, выходящий в Свердловском Гизе. Предания о Вороникине принесены на Урал крепостными пермяками, работавшими под руководством А. Н. Вороникина на стройках Петербурга.

Среди записей коми-пермяцкого фольклора есть ценные материалы о знаменитом архитекторе А. Н. Вороникине, бывшем крепостном графов Строгановых. На основе этих преданий построен биографический очерк о Вороникине, выходящий в Свердловском Гизе. Предания о Вороникине принесены на Урал крепостными пермяками, работавшими под руководством А. Н. Вороникина на стройках Петербурга.

Среди записей коми-пермяцкого фольклора есть ценные материалы о знаменитом архитекторе А. Н. Вороникине, бывшем крепостном графов Строгановых. На основе этих преданий построен биографический очерк о Вороникине, выходящий в Свердловском Гизе. Предания о Вороникине принесены на Урал крепостными пермяками, работавшими под руководством А. Н. Вороникина на стройках Петербурга.

Среди записей коми-пермяцкого фольклора есть ценные материалы о знаменитом архитекторе А. Н. Вороникине, бывшем крепостном графов Строгановых. На основе этих преданий построен биографический очерк о Вороникине, выходящий в Свердловском Гизе. Предания о Вороникине принесены на Урал крепостными пермяками, работавшими под руководством А. Н. Вороникина на стройках Петербурга.

Среди записей коми-пермяцкого фольклора есть ценные материалы о знаменитом архитекторе А. Н. Вороникине, бывшем крепостном графов Строгановых. На основе этих преданий построен биографический очерк о Вороникине, выходящий в Свердловском Гизе. Предания о Вороникине принесены на Урал крепостными пермяками, работавшими под руководством А. Н. Вороникина на стройках Петербурга.

В план издания английской литературы вошли: Диккенс, Вальтер Скотт, Теккерей, Байрон, Оскар Уайльд и полное собрание сочинений Шекспира в девяти томах, с иллюстрациями старых художников. Четверо тома этого собрания предполагается выпустить еще до конца текущего года, остальные пять выйдут в будущем году. Намечено также выпустить двухтомника избранных драм Шекспира.

По разделу античной литературы будут повторены издания «Иллиада» и «Одиссея». Кроме того будут выпущены антология римских поэтов, греческая лирика, отдельные издания Гесиода, Эсхила и Цицерона.

Из итальянских классиков «Academia» выпустит «Божественную комедию» Данте с иллюстрациями художника Дора. Первый том — «Ад» — выйдет в этом году, остальные два тома — в 1937 году. Одновременно «Academia» готовит выпуск «Божественной Комедии» в новом переводе.

Из изданий, намеченных к осуществлению в 1937 году, следует еще упомянуть повторное издание поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», сборники грузинской и армянской поэзии, песен Дагестана, казахского и армянского эпоса, остринских сказок и т. д. Будут выпущены также второй и третий томы сказок Афанасьева.

Издательство предполагает значительно расширить в 1937 г. выпуск иллюстрированных изданий классической литературы, главным образом Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Льва Толстого, Островского, Достоевского, Некрасова, а из западной литературы — Диккенса, Мольера, Золя. К иллюстрированию этих изданий привлечены лучшие советские мастера.

К двадцатилетию Великой пролетарской революции «Academia» подготовит специальное издание «Советское искусство в промышленности Советского Союза». В нем будут воспроизведены лучшие образцы народного искусства и даны тексты к ним. Отдельные выпуски этого издания будут посвящены республикам нашего Союза. Особый выпуск будет посвящен грузинскому народному искусству. В серии октябрьских юбилейных изданий выйдут также сборник «Советская графика за 20 лет».

Общий обзор плана на 1937 год, заглавием своим беседа т. Янсон, определит позднее, когда будут уточнены бумажные контингенты издательства. Нужно отметить, что вышло изданий в значительной мере тормозится недостатком бумаги. В течение июля — августа снабжение бумагой почти совершенно приостановилось. Это обстоятельство привело к задержке ряда изданий, намеченных к выходу в 1936 году.

Общественные и литературные организации города деятельно готовятся к 100-летию юбилею со дня смерти А. С. Пушкина. Краеведческий музей организует большую выставку изданий Пушкина, начиная с изданий самим поэтом в 1826, 1829, 1832, 1834 и 1835 годах стихов и копия юбилейными изданиями «Academia», Госиздатом и др. Из книжных фолдов музея на выставке будут представлены все издававшиеся Пушкиным журналы и альманахи, а также издания, в которых поэт принимал активное участие («Библиотека для чтения», «Вестник Европы», «Московский телеграф», «Москвитинский» и др.).

Всеобщий Пушкинский комитет посылает на выставку автографы некоторых сочинений поэта, портреты Пушкина и рисунки тех местностей, с которыми связано имя поэта.

Выставку произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Шота Руставели — скульптура орлеанского, народного скульптора Я. Николадзе.

СТРАНА ГОТОВИТСЯ К ПУШКИНСКИМ ДНЯМ

МОСКВА

Учредитель выпускает в октябре сборник критических статей о Пушкине, предназначенный для преподавателей школ и учащихся старших классов. В сборник, составленный А. Цитлинским, вошли избранные статьи Чернышевского, Белинского, Добролюбова, Дунчаковского, Плеханова, Десятникова и др.

В том же издательстве в сентябре выйдет книга С. Жуначарской «Юбилей А. С. Пушкина в школе». Автор дает много конкретного материала о классном и школьном изучении творчества поэта, а также знакомит читателей с пушкинскими музеями и с местами, где жил и творил великий поэт.

РЯЗАНЬ

Общественные и литературные организации города деятельно готовятся к 100-летию юбилею со дня смерти А. С. Пушкина. Краеведческий музей организует большую выставку изданий Пушкина, начиная с изданий самим поэтом в 1826, 1829, 1832, 1834 и 1835 годах стихов и копия юбилейными изданиями «Academia», Госиздатом и др. Из книжных фолдов музея на выставке будут представлены все издававшиеся Пушкиным журналы и альманахи, а также издания, в которых поэт принимал активное участие («Библиотека для чтения», «Вестник Европы», «Московский телеграф», «Москвитинский» и др.).

Всеобщий Пушкинский комитет посылает на выставку автографы некоторых сочинений поэта, портреты Пушкина и рисунки тех местностей, с которыми связано имя поэта.

Выставку произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

Выставка произведений Пушкина готовит и районная библиотека им.

От наших корреспондентов

КИБВ. Писатель К. И. Чуковский провел долгое время в пионерском лагере в с. Борки, где собрал материал для своей новой повести. Сейчас К. Чуковский занят редактированием переводов на русский язык детских стихов Л. Квинто и сказок О. Иваненко.

ТБИЛИСИ (Тифлис). По заданию редакции «Две пятницы» в Тбилиси приезжал для работы над грузинским фольклором поэт Д. Петровский, который собрал новые колхозные песни о Ленине и Сталине. За время своего пребывания в Грузии Д. Петровский перевел стихи восьми грузинских поэтов. Издательство «Заря Востока» выпускает сборник грузинских поэтов в переводе Д. Петровского. В своей дальнейшей переводческой работе Д. Петровский намерен уделить особое внимание творчеству поэта-орденоносца Галактиона Табиадзе.

С Е З О Н В Д Е Т С К И Х Т Е А Т Р А Х

Государственный Центральный театр юного зрителя открывает зимний сезон 25 сентября, но 6 сентября театр уже даст спектакль для гостей фестиваля. Идут «Сказки Андерсена» в драматургической обработке В. Смирновой.

Госцентрал готовит пьесу Ржевского «Бегиян дуга», которую ставит И. Дорони. Художник спектакля — И. Шифрин, композитор — Н. Коппер. Премьера состоится 15 октября.

После премьеры «Бегиян дуга» театр начнет готовиться к сезону со дня смерти Пушкина. Программа юбилейного спектакля еще не уточнена, а следовательно бы это уже сделать.

Для театра пишут новые пьесы А. Бруштейн — о детях в эпоху гражданской войны, В. Смирнова — о жизни и быте современных детей, П. Хор — об оларенских детях, К. Тренев — о современной школе.

Пьесы А. Бруштейн театр будет готовить к двадцатилетию Великой Пролетарской Революции.

Московский Театр юного зрителя начинает сезон 6 сентября фестивальной программой «Взбуждающая школа» Л. Кассиль и С. Аустельера. До конца года театр покажет две новых постановки — пьесу Шестакова «Гек Фин» по Марку Твэну и пьесу Ф. Вольфа «Троцкий конь», рассказывающую о героической борьбе германского комсомола с фашизмом. Пьесу Шестакова ставит В. Фелотов. «Троцкий конь» пойдет в постановке режиссера Петероуни.

Одновременно театр будет работать над подготовкой «Пушкинское вечере», который будет состоять из лирических произведений и поэм великого поэта.

Во второй половине сезона театр покажет грузинские сказки. Постановщиком приглашен заслуженный артист Грузии Такашвили.

К годовщине Первой Конной армии театр покажет пьесу Всеволодова «Детство маршала», рассказывающую о ранних годах жизни маршала С. М. Буденного.

Кроме того в постановке молодых режиссеров будут показаны «Пролетарский Скапен» Мольера.

Театром принята постановка инсценировка по Диккенсу «Давид Копперфильд». Заказаны пьесы Льву Кассилью, Кроуну, Шестакову, Сергеевскому и Треневу.

Третий московский театр для детей, открывающий сезон 10 сентября, покажет в этом году пьесу А. Бруштейн «Голубь и розовое» в постановке Лобанова, художник — И. Фелотов.

Готовятся также пьесы И. Чергина «Девчонок» — об участии комсомолов в гражданской войне. Ставить пьесу И. Дорони.

В пушкинские дни будут поставлены «Повести Белкина», над инсценировкой которых работает сейчас писатель В. Гроссман.

В пушкинские дни будут поставлены «Повести Белкина», над инсценировкой которых работает сейчас писатель В. Гроссман.

В пушкинские дни будут поставлены «Повести Белкина», над инсценировкой которых работает сейчас писатель В. Гроссман.

В пушкинские дни будут поставлены «Повести Белкина», над инсценировкой которых работает сейчас писатель В. Гроссман.

В пушкинские дни будут поставлены «Повести Белкина», над инсценировкой которых работает сейчас писатель В. Гроссман.

В пушкинские дни будут поставлены «Повести Белкина», над инсценировкой которых работает сейчас писатель В. Гроссман.

В пушкинские дни будут поставлены «Повести Белкина», над инсценировкой которых работает сейчас писатель В. Гроссман.

В пушкинские дни будут поставлены «Повести Белкина», над инсценировкой которых работает сейчас писатель В. Гроссман.

В пушкинские дни будут поставлены «Повести Белкина», над инсценировкой которых работает сейчас писатель В. Гроссман.

В пушкинские дни будут поставлены «Повести Белкина», над инсценировкой которых работает сейчас писатель В. Гроссман.

В пушкинские дни будут поставлены «Повести Белкина», над инсценировкой которых работает сейчас писатель В. Гроссман.

В пушкинские дни будут поставлены «Повести Белкина», над инсценировкой которых работает сейчас писатель В. Гроссман.

В пушкинские дни будут поставлены «Повести Белкина», над инсценировкой которых работает сейчас писатель В. Гроссман.

В пушкинские дни будут поставлены «Повести Белкина», над инсценировкой которых работает сейчас писатель В. Гроссман.

В пушкинские дни будут поставлены «Повести Белкина», над инсценировкой которых работает сейчас писатель В. Гроссман.

КОЛЛЕКТОР ДЕТСКИХ КНИГ

В коллектор детских и школьных библиотек Московской области поступает всякая свежая, еще пахнущая типографской краской книга. Отсюда они попадают в самые отдаленные уголки. Сеть обслуживаемых коллектором библиотек непрерывно растет: в 1931 году их насчитывалось 520, в 1934 году — 1537, сейчас их больше 2000.

Обслуживая такую разветвленную сеть библиотек, коллектор должен хорошо снабжаться литературой. Фактически же он получает только 3—4 проц. общего тиража выходящих в Детиздате изданий. Это значит, что очень многие книги поступают в коллектор в количестве 800—1000 экземпляров. — количество явно недостаточное.

Хуже того, имеется немалое количество детских книг, выходящих как в Детиздате, так и в других издательствах, которые вовсе не доходят до библиотек. Так было например с книгой Яковлева «О Павле Морозове», которая целиком разошлась по образовательным учреждениям. Первое издание Мамна-Сибиряка не получила ни одна из городских библиотек; книгу Виктора Гюго «Честное слово» (издание Госиздата) из 2000 детских библиотек получили только 150.

Если принять во внимание, что в книжных магазинах, находящихся в том же доме, что и коллектор, получают около 7 проц. общего тиража выходящих в Детиздате изданий, то есть в два раза больше, чем коллектор, станет ясно вся ненормальность системы распределения книг.

Наиболее ответственной и сложной работой коллектора является его работа с Детиздатом. Коллектор обязан не только информировать издательство о мнениях детей и библиотечных работников о книгах, но и добиваться выпуска наиболее нужной и спрашиваемой в библиотечных магазинах литературы. Однако, до сих пор эта работа не дает желаемых результатов.

Начинается учебный год. В программу наших школ включена книга Неверова «Ташкент — город хлебный». Но книга эта уже давно не печатается. В библиотеках наблюдается колоссальный спрос на произведения классиков, но Детиздат выпускает эти произведения в так называемой «полуполной» серии, которая не доступна массовым библиотекам: она дорога. В лучшей же серии эти книги давно не издавались.

Детиздат выпустил книгу Льва Толстого «Кавказский пленник» с предисловием Эренбаума, которое запало примерно треть книги. Коллектор отметил, что это предисловие совершенно не доступно детям. Однако, в последующие издания книги вышла с тем же предисловием.

Детиздат выпустил книгу Льва Толстого «Кавказский пленник» с предисловием Эренбаума, которое запало примерно треть книги. Коллектор отметил, что это предисловие совершенно не доступно детям. Однако, в последующие издания книги вышла с тем же предисловием.

Детиздат выпустил книгу Льва Толстого «Кавказский пленник» с предисловием Эренбаума, которое запало примерно треть книги. Коллектор отметил, что это предисловие совершенно не доступно детям. Однако, в последующие издания книги вышла с тем же предисловием.

Детиздат выпустил книгу Льва Толстого «Кавказский пленник» с предисловием Эренбаума, которое запало примерно треть книги. Коллектор отметил, что это предисловие совершенно не доступно детям. Однако, в последующие издания книги вышла с тем же предисловием.

Детиздат выпустил книгу Льва Толстого «Кавказский пленник» с предисловием Эренбаума, которое запало примерно треть книги. Коллектор отметил, что это предисловие совершенно не доступно детям. Однако, в последующие издания книги вышла с тем же предисловием.

Детиздат выпустил книгу Льва Толстого «Кавказский пленник» с предисловием Эренбаума, которое запало примерно треть книги. Коллектор отметил, что это предисловие совершенно не доступно детям. Однако, в последующие издания книги вышла с тем же предисловием.

Детиздат выпустил книгу Льва Толстого «Кавказский пленник» с предисловием Эренбаума, которое запало примерно треть книги. Коллектор отметил, что это предисловие совершенно не доступно детям. Однако, в последующие издания книги вышла с тем же предисловием.

Детиздат выпустил книгу Льва Толстого «Кавказский пленник» с предисловием Эренбаума, которое запало примерно треть книги. Коллектор отметил, что это предисловие совершенно не доступно детям. Однако, в последующие издания книги вышла с тем же предисловием.

Детиздат выпустил книгу Льва Толстого «Кавказский пленник» с предисловием Эренбаума, которое запало примерно треть книги. Коллектор отметил, что это предисловие совершенно не доступно детям. Однако, в последующие издания книги вышла с тем же предисловием.

Детиздат выпустил книгу Льва Толстого «Кавказский пленник» с предисловием Эренбаума, которое запало примерно треть книги. Коллектор отметил, что это предисловие совершенно не доступно детям. Однако, в последующие издания книги вышла с тем же предисловием.

Детиздат выпустил книгу Льва Толстого «Кавказский пленник» с предисловием Эренбаума, которое запало примерно треть книги. Коллектор отметил, что это предисловие совершенно не доступно детям. Однако, в последующие издания книги вышла с тем же предисловием.

Детиздат выпустил книгу Льва Толстого «Кавказский пленник» с предисловием Эренбаума, которое запало примерно треть книги. Коллектор отметил, что это предисловие совершенно не доступно детям. Однако, в последующие издания книги вышла с тем же предисловием.

Детиздат выпустил книгу Льва Толстого «Кавказский пленник» с предисловием Эренбаума, которое запало примерно треть книги. Коллектор отметил, что это предисловие совершенно не доступно детям. Однако, в последующие издания книги вышла с тем же предисловием.

Детиздат выпустил книгу Льва Толстого «Кавказский пленник» с предисловием Эренбаума, которое запало примерно треть книги. Коллектор отметил, что это предисловие совершенно не доступно детям. Однако, в последующие издания книги вышла с тем же предисловием.

Детиздат выпустил книгу Льва Толстого «Кавказский пленник» с предисловием Эренбаума, которое запало примерно треть книги. Коллектор отметил, что это предисловие совершенно не доступно детям. Однако, в последующие издания книги вышла с тем же предисловием.

Детиздат выпустил книгу Льва Толстого «Кавказский пленник» с предисловием Эренбаума, которое запало примерно треть книги. Коллектор отметил, что это предисловие совершенно не доступно детям. Однако, в последующие издания книги вышла с тем же предисловием.

Детиздат выпустил книгу Льва Толстого «Кавказский пленник» с предисловием Эренбаума, которое запало примерно треть книги. Коллектор отметил, что это предисловие совершенно не доступно детям